

всю землю и со всѣми посявами въ свою пользу возьмете. Такъ чего же вамъ бояться, что люди за васъ постараются? И въ обидѣ никто не останется; потому что если кто и въ самомъ дѣлѣ посябѣтъ, такъ убытки свои съ Писарька взыщеть. А съ Писарька есть что взять.

Мировой судья «не погнушался» подробно и терпѣливо разъяснить Алексѣю Ивановичу всѣ его права, приобрѣтенныя по купчей крѣпости, а также и тѣ способы, посредствомъ которыхъ онъ всего легче можетъ добиться осуществленія этихъ правъ на дѣлѣ. Оказалось, что Писарекъ не только не имѣетъ ни малѣйшихъ шансовъ «оттягать» землю въ Мокрецахъ, но—въ виду отсутствія какихъ-либо письменныхъ условій между нимъ и княземъ Убромскимъ, и по общему смыслу купчей крѣпости—онъ, Писарекъ, не имѣлъ никакого права воспользоваться даже тѣмъ урожаемъ, который уже былъ снятъ имъ и его арендаторами; а Щастневъ, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ взыскать съ Писарька и всю стоимость урожая, и убытки, понесенные имъ, Щастневымъ, отъ самовольнаго захвата его собственности.

Трудно описать тотъ восторгъ, въ которомъ находился Алексѣй Ивановичъ, выйдя изъ судейской камеры. Всѣ его сомнѣнія окончательно разсѣялись. Наконецъ-то дѣло оказалось и простымъ, и вѣрнымъ, и—главное—близкимъ, близкимъ къ осуществленію... Сердце Алексѣя Ивановича было переполнено горячей благодарностью къ мировому судѣ.

— Вотъ это баринъ, такъ баринъ! — разсуждалъ онъ, проходя мимо прудовъ и высокихъ каменныхъ хоромъ. — Простой баринъ, ду-шевный! Бываютъ и промежъ ихняго брата... А Писарекъ-то! Ну, ужъ только и Писарекъ! Нѣтъ ужъ таперича, любезный, видно шалишь; будетъ тебѣ надо мною куражиться; покуражился! Таперича какъ бы еще я надъ тобою не поломался—вотъ что. Тоже вить какъ придется платить-то... можетъ, побольше тыщи рублей—почешешь за ухомъ и ты, любезный, не пондравится!..

Впрочемъ, отъ Писарька и «мирового» мысли Алексѣя Ивановича скоро перешли на хозяйство, на ту землю, которая уже на дняхъ сдѣлается его неотъемлемой собственностью, на тѣ порядки и устройство, которые поспѣшить онъ завести въ своемъ любезномъ дворѣ. Будутъ у него восемь лошадей, три коровы; новый овинъ надо выстроить; по неуправѣ, пожалуй, придется и работника взять...

Занятый этими розовыми мечтами, Алексѣй Ивановичъ скоро вышелъ изъ барской усадьбы и миновалъ Бѣлыя Глины.